

Главным среди носильщиков был Янь Чунь, один из лучших людей Чжао Цзинчжуна. Мужчина с белой кожей и изящными чертами лица, как и его имя, он мастерски владел изогнутым мечом. Хэ Сы видел, как он убивал: меч, словно серебряный полумесяц, скользил по воздуху, и прежде чем жертва успевала вскрикнуть, её голова, как спелый арбуз, с глухим стуком катилась по земле.

Янь Чунь аккуратно уложил человека, сомневающе посмотрел на его бледное лицо и, склонившись, почтительно спросил:

— Наместник, стоит ли позвать лекаря?

Чжао Цзинчжун принёс стул. Хэ Сы лениво развалился в нём, скрестив ноги. У другого такая поза выглядела бы вульгарно, но у него она казалась изысканной и непринуждённой. Он махнул рукой, показывая, что не надо, потом, подумав, добавил:

— Приберите кухню, вскипятите воды и сварите жидкой каши.

В конце концов, это он «сбросил» человека с лестницы. Оставить его умирать — даже его уцелевшей совести было бы не по себе.

Янь Чунь, не задавая лишних вопросов, удалился.

Слуги Восточной палаты были мастерами на все руки. Не говоря уже о кипячении воды и варке каши, Хэ Сы слышал, что у его приёмного отца был тысячник-палач, который отлично готовил.

Убивать — как резать овощи, клинок вниз — и голова с плеч,

Ложкой владеть — как вышивать, поднимется — и блюдо готово.

Этого человека ежегодно награждали как лучшего соглядатая Восточной палаты. Увы, во время поимки важного преступника он повредил ногу и больше не мог быть тем обоюдоострым клинком, что так ловко орудовал в руках приёмного отца. Постепенно он и вовсе исчез из Восточной палаты.

Когда Чжао Цзинчжун упомянул о нём, Хэ Сы поинтересовался его судьбой.

Ведь орудие убийства найти легко, а искусного повара — трудно. Не может больше убивать — так пусть идёт во дворец императорским поваром! Жалованье высокое, риски низкие, а откатов — хоть завались. Просто идеальная для Хэ Сы профессия!

Он с сожалением вздохнул, глядя на руки Чжао Цзинчжуна, от которых, казалось, могло прогореть дно любой кастрюли.

Однако Чжао Цзинчжун сказал, что тот, вероятно, мёртв. Даже сломанный клинок остаётся клинком. Особенно если этот клинок знает слишком много секретов приёмного отца — такому не место в этом мире.

Выслушав это, Хэ Сы долго молчал, затем похлопал Чжао Цзинчжуна по плечу:

— Не волнуйся, Чжунчжун. Я с тобой так не поступлю.

Тёмное лицо Чжао Цзинчжуна осталось бесстрастным, без тени благодарности:

— Наместник, не беспокойтесь. Обычно мы не доживаем до того момента, когда вы нас

прикончите, сделав своё дело.

Хэ Сы: «...»

Пока слуги варили кашу и прибирались в других комнатах и во дворе, Хэ Сы сидел в кресле, перебирая отполированный до блеска браслет из турмалина, и с досадой смотрел на человека на кровати.

Чжао Цзинчжун тоже посмотрел и, почувствовав, что состояние того ухудшается, тихо сказал:

— Наместник, всё же не позвать ли лекаря?

Хэ Сы цокнул языком:

— Он же из императорской гвардии...

Не успел он договорить, как Чжао Цзинчжун уже взмахнул мечом.

Хэ Сы:

— Подожди!

Он окликом остановил меч, который уже был у горла человека.

Чжао Цзинчжун, полный убийственной решимости, заявил:

— Наместник! Этот человек смог найти ваш частный дом! Значит, он подбирался к вам с умыслом, наверняка замышляет недоброе!

С этими словами клинок опустился ещё на две десятых, и на бледной, с проступающими венами шее проступила тонкая кровавая полоска.

Человек же даже не пошевелился — видимо, всё ещё без сознания.

Хэ Сы спокойно произнёс:

— Если он и впрямь замышляет недоброе, то тем более нужно оставить его в живых для допроса. Чжунчжун, я много раз говорил тебе: не будь столь опрометчив, думай, прежде чем действовать.

Чжао Цзинчжун, озарённый пониманием, с восхищением и смущением посмотрел на Хэ Сы:

— Наместник совершенно прав.

Хэ Сы, опасаясь, что тот останется и снова начнёт махать мечом, отослал его за дверь.

Чжао Цзинчжун сначала колебался, беспокойно глядя на лежавшего молодого человека, но, увидев настойчивость Хэ Сы, вдруг осенило его. На лице его отразилось «я понял», и он, запинаясь, пробормотал:

— Тогда я подожду снаружи... — Он замялся, тихо добавив:

— Наместник, если вы хотите оставить его, пожалуйста, будьте поосторожнее... ведь... у вас ещё много времени впереди.

Хэ Сы с изумлением смотрел, как Чжао Цзинчжун проворно ретировался за дверь, даже заботливо притворив её за собой. Он с горечью подумал: «Чжунчжун, Чжунчжун! Кто же тебя так испортил? Ты, прямой, как стальная балка, и тот проникся смыслом „много времени впереди“!»

В комнате воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь стуком турмалиновых бусин, перекатывающихся между пальцами Хэ Сы, — чётким и мелодичным.

После десяти перекатываний Хэ Сы потерял терпение, медленно поднялся и неторопливо подошёл к ложу.

Он наклонился, внимательно разглядывая человека, и нахмурился.

С закрытыми глазами мужчина выглядел не таким холодным и высокомерным, как при первой встрече, и не таким легкомысленным. Теперь в нём чувствовалась хрупкость.

Такая хрупкость, что Хэ Сы мог легонько сжать — и жизнь уйдёт из этого тела. Он положил основание ладони на его шею, и пульс отдавался у него в руке.

Раз, два, ритмично и устойчиво.

Он резко увеличил давление. Человек не шелохнулся.

Нажим под ладонью Хэ Сы постепенно усиливался. Лёгкий румянец быстро пополз вверх от места сжатия. Вены на шее мужчины набухли, выступив наружу.

В тот миг, когда Хэ Сы почувствовал неладное и ослабил хватку, человек внезапно открыл глаза.

Он раскрыл рот, но прежде чем заговорить, разразился сухим, надрывным кашлем. От кашля кровь на его груди расплылась ещё больше и потемнела.

— Я-то думал, наместник оставит меня здесь умирать, — проговорил он, кашляя. — Ан нет, вы решили прикончить сами.

Хэ Сы слегка наклонил голову. Солнечный свет, скользнувший по его опущенному лицу, смягчил черты, сделав их невинными и притягательными:

— Эй, не говори так. Я просто боялся, что ты потеряешь сознание окончательно, и вынужден был прибегнуть к этому способу, чтобы разбудить.

В этой комнате, полной старой мебели, он был единственной яркой деталью — прекрасной, но опасной:

— «Наместник» — это не то, как вас, гвардейцев, учат обращаться. Мне это неприятно. Следуй своим правилам — зови меня «директор палаты».

На лице мужчины мелькнула сложная усмешка — что-то между насмешкой и горечью. Его взгляд скользнул по лицу Хэ Сы.

Интонация, которую взял директор Восточной палаты, разительно отличалась от голосов других евнухов, намеренно сжимавших глотку. Его концовки были мягкими, с лёгким, чистым оттенком юношеского тембра. Лежавший подумал: возможно, его родные края — где-то в районе Гусу. Гусу богат, и если он был сыном в семье, то наверняка пользовался любовью.

Неизвестно, как он очутился в столице и стал дворцовым слугой...

Хэ Сы, заметив, что собеседник отвлёкся, слегка разозлился. Он тут из кожи вон лезет, играет роль, а тот даже из вежливости не хмыкнет.

«Вот же ж, — подумал он с досадой. — Так и быть, выброшу его на съедение псам».

Интуиция у мужчины была острой. Он почти мгновенно уловил ту крупницу раздражения, что мелькнула в глазах Хэ Сы, и слабо кашлянул:

— Наместник... простите... сил совсем нет...

— Ладно, хватит ломать комедию, — Хэ Сы невозмутимо фыркнул, и в уголке его глаз мелькнула насмешка. — Своими ранами ты можешь одурачить других, но передо мной не стоит тратить силы на выдумки. Вы, гвардейцы, и мы, из Восточной палаты, раньше учились у одного мастера пыток. Все ваши трюки с допросами и наказаниями мне как на ладони. Раны твои выглядят жутко, кроваво, ужасающе, но на самом деле — внешнее серьёзно, внутреннее — пустяк. Внутренние органы, я полагаю, целы и невредимы.

Хэ Сы скривил губы, взглянул на него и холодно усмехнулся:

— Я прав?

Выражение его лица было смесью презрения, досады и лукавого всеведения.

«Мелкий», — подумал мужчина.

Он лежал на спине на тонкой постели, покорно кивнув:

— Директор палаты совершенно прав. Я был глуп, осмелившись обмануть вашу проницательность.

Хэ Сы фыркнул ещё раз, бросил взгляд на окровавленную одежду мужчины и, усевшись обратно в кресло, начал медленно перебирать старый браслет из турмалина:

— Лу Чжэнмин, двадцать два года, из военного сословия, родом из Циньлина, родители умерли. Раньше был силачом в Северном усмирительном управлении, недавно получил звание офицера. Живёшь в Восточном Канском квартале, в переулке Бэйло, дом тринадцать. Всё верно?

Лу Чжэнмин не ответил, лишь слегка дёрнул уголком губ — знак согласия.

Перед ним был директор Восточной палаты, глава разведки, у которого больше всего ушей и глаз при дворе. Если бы он захотел, то мог бы узнать не только эти мелочи, но и то, сколько раз Лу Чжэнмин поел за день и с кем встречался. Его лишь удивило, что занятой Хэ Сы потрудился выяснить всё о нём, самом незаметном младшем офицере императорской гвардии.